

Мы думали, Фрост будет томиться на балете, но Адамс потом сказал, что ему совершенно не было скучно. По словам Адамса, Рябинкина танцевала блистательно, грациозно и с видимым удовольствием. Фрост прекрасно провел время. После балета, начавшегося в одиннадцать, Фрост, Адамс и двое русских обедали в ресторане “Прага”, где за соседним столиком сидели Винокуров, Вознесенский и американская журналистка. Журналистка бросилась целовать Фроста, остальные вели себя сдержанней. Вознесенский сказал, что сегодня еще увидится с Фростом за ужином, но на ужин почему-то не пришел.

День выдался прохладный и солнечный. Я пообедал у друзей, пообщался с коллегами, проехался по Москве на метро и троллейбусе, и в дороге мне всюду встречались толпы людей. В это тихое сентябрьское воскресенье москвичи просто гуляли, разговаривали, наслаждались красотой своего города.

В гостинице мы немного поговорили с Адамсом, потом разбудили Фроста, чтобы успеть собраться на ужин. Мы были приглашены к Константину Симонову на семь вечера.

Дом и лестница не давали ни малейшего представления о том, как выглядит квартира Симонова. Дом был обычный, многоквартирный, серый снаружи, с плохо освещенными лестничными маршами. Лестничные площадки были голыми, стены глухими. Но войдя в квартиру, мы сразу увидели, что хозяин отдает предпочтение элегантным вещам в современном стиле. Мы увидели красивую заграничную мебель и лепные украшения. Мы сидели на стульях, похожих на эймсовские, и диванах, набитых пенорезиной. По всей комнате на полках и низких столиках располагались куски суковатого дерева и статуэтки. Вкусы художника и доходы известного писателя сделали эту квартиру вненациональной, но в то же время по-русски уютной.